

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СУДЬБЫ В ПОНИМАНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА

Показано, что опыт онтологической герменевтики помогает понять структуру судьбы как по отношению к субъекту самоорганизации, так и по отношению к индивиду, организация которого детерминируема извне. Предметное поле судьбы, понимаемое как его контекстуальная основа или событийный проект, подлежит освоению посредством герменевтического подхода к объективной реальности. Судьба, в качестве единого системообразующего принципа бытия, представляется актуальным бытием для самосуществования, но для разрозненных объектов, дифференцируемых на структуры и подструктуры бытия, судьба как единое – есть лишь потенциальное содержание его логической структуры. Понимание единой исторической роли субъекта в становлении антропоморфного аспекта бытия обладает возможностью структурной самоорганизации всех жизненных процессов и явлений.

Ключевые слова: Судьба, история, интериоризация, экстериоризация, актуальное бытие, герменевтика.

Историософские концепции, достаточно популярные в отечественной философской и идеологически ориентированной литературе, сыграли значимую роль в опыте редукции понятия судьбы. Антропоморфный средовой контекст, как предмет истории, может рассматриваться в более общем, более широком аспектах, чем факт судьбы. Здесь актуальна сравнительная характеристика М. Хайдеггера, где в «изначальном понятии истории впервые обретена сфера, где обнаруживается, почему и как история есть «большее», нежели действие и воля. «Судьба» тоже принадлежит истории и не исчерпывает ее сущности» [1, с. 82]. М. Хайдеггер, в свете анализа потенциального и реального бытия истории, полагает, что даже историчность человека – в чистом виде явленная возможность, не реализованная до сего момента [1, с. 82]. Ошибочно определять реализованный событийный ряд понятием судьбы, а историей – совокупность тождественного и иного. Понятийные аспекты истории и судьбы всегда рассматриваются с различных позиций. В статике возможен принцип взаимоопределения этих понятий, но в динамике ассимиляция данных контекстов не представляется возможной. Если соответствующий аспект истории можно понимать в качестве реализации событийного ряда, то необходимо выделить меру допустимости интерпретирования смыслообразующих и детерминационных акцентов. Тот же самый аспект бытия, определяемый в качестве факта судьбы, не подлежит ни интерпретации, ни произвольному наделению его смысловыми характеристиками.

Говоря о смыслообразующей сущности судьбы и истории, необходимо отметить, что в самой сущности внегерменевтического отношения заложена определенная парадигмальная зависимость. Обусловленность предметными границами показывает, что «История» и «Судьба» как объекты реальности существуют в качестве «вещи в себе», в то время как в герменевтическом ракурсе они становятся «вещью для сознания», теряя при этом свои объективные характерологические черты. «История» и «Судьба» становятся иными, не тождественными себе понятиями, отчужденными в сферу субъективности. Но это субъективность знакового характера, в рамках которой факт истории, равно как и аспект судьбы, подвержен интерпретационному анализу.

Любое значимое историческое событие объективно само по себе независимо от того, детерминировано ли оно субъективными действиями. Но оно становится предметом интерпретации широких масс в попытке определить прогностические характеристики исторического события в отношении к собственной участи или судьбе. Этот прецедент указывает не только на взаимообусловленность системных отношений «Истории» и «Судьбы», которые обусловлены общим герменевтическим контекстом, но и на их непосредственную укорененность в едином метафизическом основании. Это иррациональная по своей сущности метасистема, не имеющая своего аналога в объективной реальности, но реально существующая в массовом сознании. Ее внутренние связи не постулируются и остаются скрытыми от любых аналитических прогнозов. В то

же время, в результате рассудочного анализа, рационально определяются внешние связи заданной гиперсистемы – с сознанием индивида. Каждый конкретный представитель соответствующей парадигмы общественного сознания понимает собственную причастность к осуществившемуся историческому событию. В его проявленности он видит собственную участь, обусловленную общим контекстом истории.

Интерпретация изменений исторического контекста осуществляется через попытку прогноза собственного будущего, на которое оказали влияние объективные перипетии. С одной стороны, можно определить всякое историческое событие в качестве знака-медиума, который интерпретируется в предметном поле анализа собственной судьбы и ее синтеза с судьбой истории. С другой стороны, можно сделать вывод о том, что судьба индивида также является кодом-настройкой, который формируется в предметном поле конкретного исторического контекста и определяет роль, социальное положение и степень значимости каждого субъекта в определенные исторические периоды. Посредством наличия данного кода-настройки формируется уникальная линия жизни или судьба. Интерпретация собственной судьбы ирреальна, она является предметом сакрального бытия каждого индивида и предметом его веры.

Интерпретация исторического события как знака показывает необходимость реорганизации кода-настройки в процессе «встраивания» индивида в изменившийся контекст окружающей реальности под влиянием соответствующего исторического события. Можно предположить, что историческая реальность формирует в сознании индивида соответствующую когнитивную модель, опосредующую взаимопределяющий контекст истории и судьбы, логические границы которых неразличимы. Поэтому, интерпретируя знаковые события исторического контекста, субъект истолковывает собственную участь в рамках объективной, исторически обусловленной реальности.

Субъективизация объектов, производимая посредством феноменологической редукции, имеет, по представлению феноменологов, собственные онтологические основания. Так, например, М. Хайдеггер определяет наличие «мира идей», который, в отличие от платоновского прототипа, обретает замкнутое в контексте самодетерминации онтологическое про-

странство, лишенное возможности трансценденции, прорыва в «иное». Феноменологи определяют границы как бытия, так и познания в пределах соответствующих смысловых и смыслообразующих детерминант. Но феноменологический прецедент истории ограничивается рамками восприятия. Это недостаточный акт познания для индивидуальной матричной системы сознания. Поэтому история воспринимается как нечто «иное», противопоставленное личностной социальной организации. Интерпретация истории в пределах утилитарных интересов и целей субъекта становится актом понимания и присвоения окружающего объективного контекста субъективным пространством.

История способна к саморазвитию в субъективном пространстве только в качестве судьбы. Соответственно, процесс интерпретации исторического знака в определенной степени сакрализован. Принципы сакрализации в процессе понимания собственной исторической судьбы, очевидно, определяются условиями метасистемы генезиса или глобализацией масштаба универсальной самоорганизации мирового порядка. Феноменологи показывают, что факт истории, в отношении к абсолютной истине, гносеологически не постулируем, историческое знание репрезентировано совокупностью разрозненных фактов, гипотезированных в условную линейную целостность или в обусловленную нелинейную частность. Предмет истории не обусловлен ничем, кроме осознания возможности разума в познании и объяснении данного объекта. Феноменологический подход к истории достаточно адекватен в силу того, что он изначально ставит вопрос о нетождественности феномена объекту и о непостижимости объекта исторического бытия.

Герменевтический подход к объективной реальности исторических фактов охватывает большее смысловое пространство и интерпретирует аспекты исторического бытия в смыслообразующем единстве не с сознанием субъекта, а с высшей причинной организацией, сакрализованной по условиям герменевтического метода. Хайдеггер определяет метафизический контекст истории в качестве Рока или Судьбы, предполагая ложную концептуализацию исторических свойств в метафизических трактовках. «Метафизика есть рок в том строгом, здесь только и имеющемся ввиду смысле, что она, будучи основной чертой западноевропейской истории, обре-

кает массы человечества на сущее без того, чтобы бытие сущего, в качестве двусложности того и другого могло, исходя из метафизики, и ею когда-либо быть замечено, осмыслено и воспринято в своей истине» [2, с. 57]. Хайдеггер пытается нивелировать в опыте экзистенциально-феноменологического подхода несамосущность и несамодостаточность метафизических концепций. Он рассматривает отношение индивида к истории, основанное на понимании не рассудочным актом, а допредикативным основанием, способствующим формированию проекта собственного будущего, выбора вариантов саморепрезентации. «Само существование человека есть «понимание», которое определяется как «основополагающий модус бытия здесь-бытия». Все «бытие-в-мире» есть поле понимания, мир выступает как всегда «уже понятый», истолкованный «немудрствующим видением», которое не имеет ничего общего с рациональным осмыслением... «Здесь-бытие» понимает свои возможности, «проектируя себя», «забегая вперед» самого себя. Таково «подлинное существование», свободно выбирающее себя независимо от каких-либо закономерностей внешнего мира, поскольку как такового внешнего для «здесь-бытия» мира и нет. Возможности выбора всегда уже имеют какой-то смысл, уже поняты, истолкованы человеком. Лишенных смысла предметов вообще не существует, а то, что наделено смыслом, понимается в терминах «проектов», целей «здесь-бытия» [3, с. 51].

Основное отличие феноменологии от метафизики заключается в отсутствии претензий на отношение к сущности понятия. «Собственно, роковая «неправильность» метафизики заключается не столько в том, что она сосредоточилась на сущем, сколько в том, что она сосредоточилась только на нем» [2, с. 57]. Факты истории, таким образом, не могут быть синтезированы методами самой истории. Не могут они концептуализироваться, как было показано ранее и будет рассмотрено в последующем, на метафизической почве. Метафизический аспект является способом открытия входа в историю, сущностно-персоналогическим инсинуациям и спекуляциям. Герменевтика, отрицая метафизическую размытость в подходе к исторической реальности, не сужает пределы включенности исторического бытия в какие-либо онтологические или гносеологические рамки. Приоритет герменевтического подхода заключается в том, что история понимается здесь как

определенная проявленность неведомых исторических сил, причем герменевтика дифференцирует способность и неспособность собственных методологических позиций к рационализации и истолкованию исторического контекста. Герменевтический метод обладает большими потенциями к истолкованию таких глобальных проблем, как история. В его арсенале – способность к пониманию духовной реальности бытия, которая пронизывает всю сферу исторической действительности. Герменевтический метод способен адекватно связать и выстроить понятийные модели взаимодействия и взаимодополнительности дуальной пары «История» и «Судьба».

Судьба в контексте истории имеет достаточно четкие понятийные границы. Судьба – это одновременно сущность, форма и мера того, что реализовалось в определенных пространственно-временных границах. В то же время интерпретация судьбы имеет свой расширительный, по отношению к истории, контекст. Э. Гуссерль видел проблему мистификации и неадекватности исторической науки как факта в том, что субъект, обладающий временным содержанием, тождественен лишь временному содержанию как таковому, ограничивая самобытие пределами собственной временности. Он переносит собственную контекстуальную основу в темпоральные характеристики иного временного пространства, которое, по отношению к тождественному ему пространству, является вневременным. Вневременное, в пределах приложимости к конкретному субъекту истории, трансцендентно. Попытка произвольного конституирования одних временных координат в нетождественные им приводит к новообразованиям неподлинных и бессмысленных, гносеологически зыбких конструкций.

Имманентизация событийного контекста может осуществляться лишь в пределах самоидентификации субъекта с определенным средовым контекстом. «Таким образом, синтез, осуществляемый через посредство презентаций в воспоминании, распространяется внутри всегда уже конституированного потока моих переживаний от живого присутствия в настоящем к тем или иным моментам моего прошлого и тем самым устанавливает связь между ними. Тем самым разрешается, между прочим, сама по себе в высшей степени важная трансцендентальная проблема высших предметностей, называемых так в специфическом смысле. Их надвременной характер оказывается

«всевременным» – коррелятом произвольной возможности произвести или воспроизвести какое бы то ни было переживание в любой момент времени. По завершении конституции объективного мира с его объективным временем и объективно существующими людьми как возможными мыслящими субъектами это очевидным образом переносится и на идеальные образования, которые, в свою очередь, тоже объективируются, равно как и на их объективную «вневременность»; при этом становится понятным противопоставление их объективным реальностям, как имеющим индивидуальное положение в пространстве и времени» [4, с. 483–484].

Подобное определение Гуссерлем пространственно-временного континуума бытия человека полностью определяет его наличностную способность к объективированию в предметном мире только посредством его интерпретации как всеобщей судьбы. Движение человеческой мысли от трансцендирования контекстуальных оснований бытия к их имманентизированному характеру производится в пределах телесно ориентированного опыта. «Этот опыт порождает такую связь в результате отождествляющего синтеза живого тела «другого», данного как первопорядковое, и того же самого тела, только аппрезентированного в другом модусе явления, а также, исходя из этого, в результате отождествляющего синтеза одной и той же природы, которая дана и подтверждена одновременно и в первопорядковом отношении... и аппрезентативно. Тем самым оказывается изначально учреждено сосуществование моего Я... и «другого» Я, моей и его интенциональной жизни, моих и его реальностей, короче говоря, изначально учрежденной оказывается некая общая временная форма, причем каждая первопорядковая временность автоматически приобретает значение изначального способа явления объективной временности для отдельного субъекта. При этом мы видим, что временное сообщество монад, конститутивно соотносенных друг с другом, нерушимо, поскольку оно существенным образом связано с конституцией мира и временем этого мира» [4, с. 484–485]. Как показывает опыт Гуссерля, основания бытия, постулирующие сущность судьбы, поддаются рациональному осмыслению в пределах герменевтического контекста.

В. Дильтей, опираясь на «Логические исследования» Гуссерля, пытался объяснить смысловую взаимосвязь, исходя из принципа модели-

рования контекстуальной основы исторического течения событий и их симбиоза с индивидуально-биографическим содержанием. Но дильтеевский подход выбирает преимущество психологического метода перед герменевтическим. Г.-Г. Гадамер полагает, что эта ошибка Дильтея приводит к неточностям в понимании объективных событий субъектом. Само событие и его воспоминание суть не тождественные аспекты исторической реальности, несмотря на то, что интерпретация исторического контекста «изнутри» может быть более достоверной, нежели та, что была создана в процессе более современных истолкований. Несмотря на определенные методологические погрешности в понимании сущности истории, В. Дильтей оказал значимое влияние на понимание истории как всеобщей судьбы.

Рассматривая специфику конституирования судьбы как трансцендентальный аспект жизни человека, можно определить доминирование творческих, конструктивных тенденций над регрессивными. Бытие индивида доминирует над его смертностью, оставляя в памяти живущих его репрезентант или судьбу. В этом заключается и уникальная способность искусства: умение, способность запечатлевать живую форму подобно мертвой: недвижимой, но прекрасной и более вечной, чем живая. «Элементы замерзшего организма или его изваяния обладают гораздо большей упорядоченностью, чем живого. Действительно, в этих случаях отсутствует снижающая упорядоченность циркуляция и диффузия различных вещей» [5, с. 127]. В преодолении смертной природы феномен судьбы выступает в определенной степени в качестве фиксирующего структуру элемента. Поэтому судьба индивида характеризуется не всей его жизнью, темпорально организованной в контексте соотношения уникального и универсального событийного ряда. Судьба отражает специфику сущности событий жизни субъекта, укореняясь в пределах их аналитических и смыслообразующих конструкций.

Интерпретация судьбы становится основой смыслообразования, она является значимой не только для личного опыта индивида. Судьба отсылает и к осмыслению опыта другого. Судьба – абстрактное понятие относительно конкретного мышления, так как оно не подразумевает под собой собственной эмпирической основы и в определенной степени обусловлено внешним влиянием.

Судьба может быть логически мыслима, но не восприимчива. Она в силу этого также наличествует в качестве отчужденного феномена. Человек логически постулирует прошлое и будущее как аспекты бытия, но не воспринимает их. «То, что для меня прошлое и будущее, присутствует в мире в настоящем. Часто говорят, что в самих вещах будущего еще нет, прошлого уже нет, а настоящее, строго говоря, есть некий предел» [6, с. 521]. Судьба, как надстроечная закономерность сознания, является констатацией присутствия и постулирования базисных детерминант. «События выкраиваются конечным наблюдателем в пространственно-временной целостности объективного мира. Но если я рассматриваю этот мир сам по себе, то остается лишь единое неделимое бытие, которое не изменяется. Изменение предполагает

какую-то позицию, которую я занимаю и откуда вижу, как идет ход вещей; нет событий, если нет кого-то, с кем они происходят и чья конечная перспектива обосновывает их индивидуальность» [6, с. 520].

Подводя итог вышесказанному, представляется необходимым акцентировать внимание на самодостаточности и автохтонности понятия судьбы, не обусловленного рамками исторического контекста. Кроме того, представляется неадекватной повсеместно осуществляемая подмена понятия судьбы понятием истории. Эти аналитические возможности репрезентации средового контекста морфогенетически не сводимы к единому семантическому корню. Игнорирование данного прецедента приводит к мистификации и субъективации эпистемологической сущности исторической реальности.

16.01.2012

Список литературы:

1. Черкозьянова, Т. В. Аспекты концептуализации судьбы / Т. В. Черкозьянова. – Оренбург : Издательство ОрГМА, 2009. – 195 с.
2. Бросова, Н. З. Судьба метафизики и судьба человека / Н. З. Бросова // Вопросы философии. – 2005. – № 11. – С. 54–66.
3. Руткевич, А. М. От Фрейда к Хайдеггеру. Критич. очерк экзистенциального психоанализа / А. М. Руткевич. – М. : Политиздат, 1985. – 175 с.
4. Гуссерль, Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философия. Философия как строгая наука / Э. Гуссерль. – Минск : Харвест, М. : АСТ, 2000. – 752 с.
5. Черкозьянова, Т. В. Взаимобусловленность онто-гносеологических и религиозно-антропологических оснований в конституировании судьбы / Т. В. Черкозьянова. – Оренбург : ООО «Агентство «Пресса», 2011. – 176 с.
6. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти ; пер. с фр. – СПб. : «Ювента», «Наука», 1999. – 605 с.

Сведения об авторе:

Черкозьянова Татьяна Владимировна, заведующий кафедрой философии
Оренбургской государственной медицинской академии, кандидат философских наук
460000, г. Оренбург, ул. Советская, 6, e-mail: philosopher_orgma@mail.ru

UDC 124.6

Cherkozyanova T.V.

Orenburg state medical academy, e-mail: philosopher_orgma@mail.ru

RESEARCH OF CRITICAL SHEARING TENSION

In this article the author shows that the experience of ontological hermeneutics helps to understand the structure of destiny, both with respect to the subject of self-organization, and in relation to the individual, whose organization is determined by external. Subject field of fate, understood as its contextual base or event-driven project, subject to development through a hermeneutic approach to the objective reality. Fate, as a single system-the principle of being, it seems urgent to being self-existence, but scattered objects on differentiable structures and substructures of life, the fate of a single – there is a potential content of its logical structure. Understanding the historical role of a single entity in the development of the anthropomorphic aspects of life, is capable of structural self-organization of all life processes and phenomena.

Key words: Destiny, history, internalization, externalization, actual existence, hermeneutics.